

ТЫСЯЧА ШЕКЕЛЕЙ ЗА РАССКАЗ

Я еще не дошла до полной нищеты, но это как посмотреть. Дом мой похож на развалину, от окон остались одни дыры, кресло в салоне словно расстреляно из автомата, кухня держится на честном слове, мебель покончила с собой. Чую — скоро дойду до точки.

Вдобавок, муж назвал меня "сырыми дровами". Поэтому в воскресенье с утра я принялась звонить самому что ни на есть главному редактору и назвала свое полное имя, длинное такое, смешное.

Я рассказала о себе и добавила, что у меня есть для него заманчивое предложение, которое обойдется в четырехзначную сумму ежемесячно.

Мы договорились о встрече в прохладном кафе с кондиционированным воздухом. Я добиралась туда через толпы незнакомых людей, которые меня почему-то очень смущали. Когда принесли кофе, я изложила свое предложение.

— Выслушайте меня, — сказала я, — а потом скажете, что вы об этом думаете, — я все равно в ваши слова вслушиваться не буду. Для меня важна интонация, чтобы понять общий смысл ответа — да или нет. А потом уж расстанемся навсегда. Или не навсегда.

— Я внимательно слушаю.

— Дайте мне машину, дайте денег, не много и не мало — чтобы было в самый раз. Дайте поездить по Израилю. Да, начнем с Израиля. Дайте взглянуть, что здесь творится. Я годами не выхожу из дома, мне срочно нужен контакт с внешним миром, и внешний мир в накладе не останется. Я опишу его с удивительной, блистательной точностью. Дайте погулять, попутешествовать, и я буду приносить по рассказу в неделю, тысяча шекелей за каждый рассказ.

— Да-а? — Брови редактора вздыбились, как холмы.

— А нельзя ли поконкретнее?

— Это все я вам дам, а что вы мне дадите взамен?

— Рассказ в неделю, вы разве не слышали?

— Слышал, конечно, потому и спрашиваю — что вы дадите взамен?

— Я вас не понимаю.

— Рассказ вы пишете для себя — это для вас разрядка, психотерапия, а причем здесь я?

— Как вы со мной разговариваете?

— Сожалею, — сказал редактор. — Еженедельные рассказы нам не нужны. Каждый день в газетах печатаются сотни рассказов. Мои журналисты залезут ради меня в любую щель, узнают подноготную любого министра. Зачем нам литература, когда все и так ясно?

Я позвонила в другую газету и повторила свое предложение, которое при встрече с редактором представила в расширенном виде. В прошлый раз предложение было слишком скромным, вот меня отказ и задел. Я сказала:

— Дайте поехать по миру с дочерью, с мужем. Меня зовут Орли, я — сырые дрова, но у меня есть глаза! Тысяча шекелей, ни гроша меньше. Нет, цену не снижу.

Редактор сказал:

— Дайте что-нибудь на пробу. Поезжайте за свой счет на нефтеперегонный завод и привезите мне пробу. Или нет! Езжайте, куда вам хочется. В Иорданскую долину, на Масаду, в Арад, в Эйн-Фешу. Куда хотите.

— Скажите, что вообще происходит? Я не согласна, чтобы меня экзаменовали! Или принимаете мои условия как есть, или я пойду к вашему конкуренту Авигдору или куда-нибудь еще. А нет — так подпишите договор на пустом листе. — Я вытащила молоток и скалку и крепко стукнула по столу.

— Ладно, — сказал редактор, — официант, счет!

Пришел официант, забрал корки от дынь и остатки салата.

Мой собеседник закурил и задумался.

Тем временем мне пришло в голову несколько идей, которые тогда показались удачными, но сейчас я понимаю, что они мне навредили.

— Слушайте, — произнесла я, — что мне нужно — так это страничка в вашей газете и тысяча шекелей за рассказ. Дайте, дайте, дайте, ну!

А он все молчал и глядел на море. Морщины на моем лице стали глубже. Пять часов вечера, и солнце бьет прямо в глаза. Я вытерла пот бумажной салфеткой.

— Ну, так что?

Редактор пожал плечами.

— Откуда мне знать?

Случилось то, чего я боялась. Я подавила своего собеседника. Загнала его в депрессию. Идея внезапно показалась дурацкой от начала до конца, и я попросила редактора выбросить из головы все, что я ему сказала. Он ответил, что мое предложение ему как раз понравилось, и мы снова поговорим о нем через два дня.

Я поднялась по наружной каменной лестнице на улицу Ха-яркон и пошла в сторону тоскливой улицы Ибн-Гвириоль, где расположена о-с-т-а-н-о-в-к-а. Там я дождалась автобуса. Зайдя домой, я обнаружила мужа, который смотрел видео.

— Где наша дочь? — спросила я.

— Спит, — отвечал муж. И решительным тоном потребовал подробного отчета о моей беседе с редактором.

— И что он сказал, и что сказала ты, и что он сказал потом, и что ты ответила.

Я нарочно все переврала, потому что уже не помнила, что к чему, и устала в телевизор. Муж просветил меня насчет сюжета — я спрашивала, а он отвечал.

Прошло несколько дней, но никто не позвонил. Лично я не ждала никакого звонка — его ждало мое безденежье.

В среду в шесть вечера к нам в гости зашла служащая банка и спросила, когда мы собираемся закрывать минус.

— Никогда, — ответил муж и погладил себя по щеке.

— Почему вы не бреетесь? — спросила служащая.

— Не люблю.

— Вы знаете, — обратилась она к мужу, — ваш кофе необычайно вкусный.

Муж посмотрел на меня — ведь кофе варила я.

— Это она сварила, — сказал он.

— Н-да, вкусно, — протянула служащая.

— Что? — спросила я.

— Если вам что-нибудь здесь нравится, — улыбнулся муж, — берите, не стесняйтесь.

— У вас не найдется несколько ящиков? — спросила служащая.

— Может, у соседей... — произнесла я.

— Почему вы регулярно не переводите зарплату на свой счет, как все люди? — спросила гостья.

— Я вам объясню, — сказал муж и дал мне понять, чтобы я ушла. Я взяла с собой дочь, и мы пошли в рошу. Оттуда я двинулась с ней в кафе, а из кафе в бар. От выпитого мне стало тепло и не хотелось больше умирать. Страдания оставили меня, я снова стала спокойна, обнимала и целовала дочь и все ей объясняла со своей

объективно правильной точки зрения. Дочь смотрела на меня, а я убеждала себя, что иначе нельзя, ну просто-таки невозможно. Сердце мое распластано, как верблюжья шкура на полу.

Возвращаясь домой, я поровнялась с "фиатом" банковской служащей, который выруливал на шоссе.

— Всего хорошего! — сказала я.

— Всего доброго! — повторила я еще раз.

— А, всего доброго, до свиданья!

Дома я застала мужа и троих его братьев. Они играли в бильярд.

— Я получил отсрочку на восемь лет, — сказал муж. — За это время нарастут проценты — наплевать! Через восемь лет мы уедем в другую страну.

Братья мужа принялись нападать на меня, называли ханжой, лицемеркой, говорили, что я много о себе воображаю, плохо пишу и у меня неправильное мировоззрение.

Я отвечала длинными разящими фразами со множеством придаточных предложений и убийственно-насмешливой интонацией. Я не думала того, что говорила, но братья обиделись и ушли. Муж потребовал, чтобы я прекратила ругаться с его милыми бильярдистами.

— Они первые начали, — ответила я и пошла на кухню чего-нибудь выпить.

Ночь была длинная, муж писал что-то на стареньком компьютере с зеленоватым экраном, а я смотрела на звезды. Мне хотелось, чтобы пришел Мессия. Что вообще происходит? Я не женщина, мой муж — не мужчина... Скоро помру, превращусь в рисунок. Все забудут меня, а я их всех. Уйду, исчезну, растворюсь. Умру. Вот и все. Не поминайте лихом. Финита ля комедия.

Я люблю редкие мгновения близости между людьми. Они меня трогают до слез. Но в совершенный восторг приводят меня те благодатные минуты, когда я ощущаю, что небесный свод осеняет меня и землю покоем, как сейчас на балконе.

Перевод Дмитрия Сливняка